

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В АНТИЭНТРОПИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Аннотация: Статья содержит результаты исследования эксплицитных и имплицитных семантических компонентов текста судебно-лингвистической экспертизы, специфическая организация и взаимодействие которых предотвращают возможные семантические потери в ходе когнитивной обработки документа. Семантические потери рассматриваются как процессы энтропийного характера.

Ключевые слова: дискурс, эксплицитный, имплицитный, семантические компоненты.

В предлагаемой статье под антиэнтропийной организацией речевого произведения понимается такая его семантико-прагматическая организация, которая препятствует рассредоточению микросистемы когнитивно-семантических структур, формирующейся и функционирующей в качестве оперативного обеспечения когнитивной обработки этого речевого произведения [1: 157] и именуемой в дальнейшем актуальным дискурсом. Такое именование применяется прежде всего с целью различения дискурса, с одной стороны, как речевого произведения, рассматриваемого в качестве производной от социокультурных детерминантов и когнитивных стереотипов [2: 111-160], и с другой – как совокупности когнитивных действий и взаимодействующих когнитивных структур [3: 156], и последние, как функционирующая микросистема, будут именоваться актуальным дискурсом, что призвано подчеркнуть процессуальное понимание дискурсивного взаимодействия. Нарушения в семантических структурах, формирующих микросистему актуального дискурса, трактуются как процессы, приводящие к повышенной энтропии системы актуального дискурса [4: 101-103].

Письменный судебно-юридический дискурс, типичным образцом которого может служить заключение судебно-лингвистической экспертизы речевого произведения на предмет его адекватного прочтения, обладает высокой степенью фокализации [5: 315] и семантико-прагматической организации с целью противодействия семантической энтропии актуального дискурса.

Одной из особенностей экспертного заключения можно считать то, что при пятичастном графически фиксированном членении документа три его части имеют заглавия, указывающие на прагматические функции каждой из них (в документах другого типа озаглавливается, как правило, только сам документ): соответствующие сегменты имеют специальные именованья «Обстоятельства дела», «Исследовательская часть», «Выводы». Прагматические именованья компонентов дискурса не редки и в других его разновидностях, например «введение», «заключение» в научном дискурсе и «пролог», «эпилог» в художественных текстах, однако эти именованья определяют компонент дискурса относительно других его компонентов (хотя искусственному читателю

* © Гусаренко С.В.

они указывают и на функциональные особенности фрагмента), в то время как в документе типа заключения судебно-лингвистической экспертизы именование указывает на функционально-прагматические характеристики каждого из сегментов. Такая экспликация прагматической сущности компонента дискурса, безусловно, может считаться специальным средством противодействия энтропии актуального дискурса, поскольку при когнитивной обработке изначально определяется его иллокутивно-прагматическая составляющая [6: 87-92], то есть наблюдается своеобразная экономия когнитивных усилий, которые могут быть сосредоточены на пропозициональной и прочих составляющих актуального дискурса.

Здесь же следует сказать, что в заключении экспертизы никаких других типов речевых актов, кроме репрезентативных [7: 181], быть не может, поскольку сама общая прагматика [8: 419] документа требует от него констатации некоего положения дел в мире, причем констатация эта должна осуществляться с опорой на научные достижения в соответствующей области, то есть с максимально возможной объективностью, хотя в некоторых случаях высказывания могут иметь в своем значении прагматические коннотации, о чем будет сказано ниже, в соответствующем разделе.

Высокая антиэнтропийная организация заключения лингвистической экспертизы объясняется прежде всего тем, что конечным адресатом этого документа, при том что выполняться экспертиза может по запросу прокуратуры, следствия и даже частного лица, является суд, для которого в силу его социальной специфики важным является все, что связано с адекватностью документа, начиная с его датировки и заканчивая подписями в конце его. В этом смысле всякий судебный документ можно считать образцовым речевым актом [9: 151-161], в котором эксплицирован максимум его составляющих. О.С. Сыщиков, рассматривая базовые характеристики делового дискурса пишет: «Для институционального общения [разумеется, и для судебного дискурса тоже. – Г.С.] актуальными представляются в первую очередь условия общения. Мы под условиями общения понимаем релевантные признаки, связанные со следующими понятиями: а) обстановка и место общения; б) тема коммуникации (знание, незнание бизнеса); в) предмет и цель коммуникации; г) социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников; д) ролевые и личностные отношения между коммуникантами; е) фоновые знания» [10: 11].

Описанные выше условия общения представляются именно теми ключевыми составляющими судебного дискурса, которые в максимально возможной мере обретают вербализацию в судебном документе, и заключение лингвистической экспертизы являет собой наглядный пример документа такого типа. В инициальном сегменте заключения указаны время и место его составления, а также тема общения; цель коммуникации здесь также отражена предельно точно в наименовании документа; то же можно сказать и о предмете коммуникации, который назван в первой и второй («Обстоятельства дела») частях перформативно-иллокутивного сегмента, то есть основной части, в которой расположены высказывания, репрезентирующие основные речевые акты в документах этого рода; «социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников» при необходимости изначально даются в сегменте «Обстоятельства дела», так же, как и «ролевые и личностные отношения между коммуникантами», причем роль автора документа, то есть эксперта, названа в

первой части перформативно-иллокутивного сегмента наряду с его именем (*эксперт-лингвист Иванов произвел экспертизу*); указанием на фоновые знания автора, то есть его прагматические пресуппозиции [8: 427-428], можно считать именование его дискурсивного статуса – *эксперт-лингвист*, поскольку предполагается, что это лицо компетентное и кроме того, экспликация фоновых знаний находит свое функциональное применение в исследовательской части заключения экспертизы и в заключении.

Далее мы рассмотрим семантико-прагматическую организацию инициального сегмента заключения лингвистической экспертизы и первую часть его перформативно-иллокутивного сегмента.

Инициальный сегмент заключения судебно-лингвистической экспертизы включает указание на дату и место его составления, а также само именование документа, например *10 октября 2003 года – г. Ставрополь – Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*. Подобную вербальную цепь можно интерпретировать как своего рода пропозицию *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы (составлено) 10 октября 2003 года в г. Ставрополе*. Прибегая к такой интерпретации, мы опираемся на опыт исследования когнитивных единиц Ю.Н. Карауловым, который, описывая результаты ассоциативного эксперимента, пишет, что «составляющие цепочку слова получают статус пропозиции (просека, лес дорога, прямой) и могут трансформироваться в некоторый дискурс – носитель смысла: “Просека – это прямая дорога в лесу”» [11: 13]. Мы избегаем в данном случае термина дискурс, поскольку приняли для него иное наполнение.

Что касается пропозиции *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы (составлено) 10 октября 2003 года в г. Ставрополе*, то, действительно, при прочтывании и интерпретации инициального сегмента заключения экспертизы формируется актуальный дискурс со всеми необходимыми составляющими: прежде всего осуществляются референциальные акты с участием именных групп, составляющих инициальный сегмент, причем референциальный акт с участием дескрипции [12: 94-96] *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*, в отличие от других именных групп, осуществляется благодаря в том числе и присутствию самого референта – заключения экспертизы (хотя таким же образом можно говорить и о референции компонента *г. Ставрополь*, если иметь в виду присутствие адресата в названном городе). Предикат *составлено* в данном случае не требует экспликации, поскольку исчисляется по факту существования самого документа, то есть пропозициональный акт в принципе можно считать осуществившимся: адресат в состоянии приписать субъекту «заключение судебно-лингвистической экспертизы» признак «составлено», имея перед собой готовый документ.

Есть все основания говорить о том, что инициальный сегмент заключения экспертизы идентифицируется как вербальная составляющая репрезентативного иллокутивного акта [7: 181], поскольку сам факт существования документа, который отражается в предикате пропозиции, не может быть интерпретирован иначе, как основание для констатации. То есть, прочитывая и адекватно интерпретируя инициальный сегмент с участием компонентов *10 октября 2003 года – г. Ставрополь – Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*, адресат тем самым участвует в репрезентативном речевом акте, посредством которого констатируется существование некоего положения дел

в мире, а именно существование документа *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*.

Помимо коммуникативных пресуппозиций, посредством которых идентифицируется наименование документа, в актуальном дискурсе инициального сегмента заключения экспертизы функционируют прагматические пресуппозиции, связанные со специальными знаниями адресата и служащие для определения правильности оформления документа, а также для проверки соответствия требованиям к дате и месту его составления.

В первой части перформативно-иллокутивного сегмента приводятся данные самого разного характера, которые являются необходимыми для определения прагматической адекватности заключения экспертизы, и соответственно, эта часть делится графически на составляющие, при когнитивной обработке каждой из которых образуется и функционирует актуальный дискурс.

Прежде всего отметим, что в первой части перформативно-иллокутивного сегмента содержится ключевое высказывание, посредством которого констатируется факт проведения экспертизы с привлечением всех необходимых сведений и указанием на обстоятельства. То есть при функционировании актуального дискурса этого высказывания образуется пропозиция, содержащая полный семантический набор, включающий субъект, объекты, предикат, сирконстанты (кроме указания на время действия): *На основании определения суда... в Ставропольском государственном университете эксперт лингвист (имя) произвел лингвистическую экспертизу статьи 154 Налогового кодекса*. Далее следует актуальный дискурс, в пропозиции которого самым подробным образом отражены события, имеющие характер причины в отношении самого события экспертизы, а именно поступление к эксперту определения суда, самого дела и сопроводительного письма. При когнитивной обработке адресатом именно этой части перформативно-иллокутивного сегмента в его актуальном дискурсе формируются пропозиции, определяющие характер речевого действия экспертизы: определение суда в глобальном плане репрезентирует директивный речевой акт, в результате которого некто приступает к проведению экспертизы и в конечном итоге составляет заключение; материалы дела предоставляют объект экспертного исследования, в нашем случае – некий текст, и другие тексты, призванные составить дискурсивно-пресуппозиционную базу для текста заключения. Сопроводительное письмо в своей основной перформативно-иллокутивной части содержит репрезентанты экзистенциальных пропозициональных актов, которые неизбежно свершаются при буквальном, визуальном соотношении имени из списка документов и самого документа.

В этой же части перформативно-иллокутивного сегмента содержится вопрос/вопросы к эксперту, на которые он должен ответить, проведя экспертизу. В актуальном дискурсе вопроса к эксперту формируется пропозиция, описывающая положение дел относительно содержания того или иного высказывания, то есть мы имеем дело с метапропозицией. При этом в зависимости от характера вопроса: а) один из компонентов пропозиции замещается вопросным словом, требующим в свою очередь замещения на референтный компонент: *Какое слово или словосочетание определяется причастным оборотом G?* б) пропозиция описывает некое положение дел, то есть в ней приписывается определенное значение лингвистическому объекту, и от эксперта требуется определить, действительно ли эта пропозиция описывает реально существующее

положение дел: *Оскорбляет ли высказывание S честь и достоинство гражданина N?*

Первая часть перформативно-иллокутивного сегмента завершается своего рода высказыванием-распиской, и в актуальном дискурсе этого высказывания формируются пропозиции, в которых эксперт выступает пациентом, а агент, то есть юридически ответственное и компетентное лицо, совершает в его отношении определенные действия: *Права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР разъяснены. Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного следствия по ст. ст. 307 и 310 УК РФ предупрежден.*

Приведенные высказывания представляют собой эллиптические образования, поскольку предполагается, что, прочитав подписанную экспертом расписку, адресат реконструирует их имплицитные компоненты: а) *Права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР разъяснены, поэтому эксперт знает, что имеет право P_1, P_2 , и обязан P_3, P_4* , где P_1, P_2, P_3, P_4 – пропозиции из соответствующих статей нормативных документов; б) *Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного следствия по ст. ст. 307 и 310 УК РФ предупрежден, поэтому эксперт знает, что не должен S_1, S_2* , где S_1 – пропозиция *Эксперт дает ложное заключение*, S_2 – пропозиция *Эксперт разглашает данные предварительного следствия*.

Таким образом, можно констатировать, что первая часть перформативно-иллокутивного сегмента при когнитивной обработке образует актуальные дискурсы с разным по характеру и местами сложным пропозициональным содержанием: пропозиция актуального дискурса первой части описывает речевые действия эксперта, а именно составление заключения экспертизы; пропозиция актуального дискурса второй части имеет гипотетический характер; актуальный дискурс третьей части, помимо пропозиций, описывающих определенные коммуникативные действия относительно эксперта, включает также имплицитные пропозиции, описывающие знания эксперта относительно его поведения.

Для функционирования без энтропийных потерь актуальных дискурсов первой части перформативно-иллокутивного сегмента необходимо совершение следующих референциальных актов: должны быть соотнесены с референтами именные группы [12: 95-101], означающие юридический орган, по инициативе которого проводится экспертиза – в противном случае адресат может не признать юридическую адекватность заключения; должны быть соотнесены с референтами имена, именные группы и дескрипции [13: 190], означающие объект экспертизы, то есть эксперт должен иметь перед собой текст, подлежащий экспертизе (оригинал, копию или воспроизведение в виде цитаты); прагматические пресуппозиции адресата также позволяют соотнести с референтами именные группы, означающие нормативные юридические документы и зачастую выступающие в виде аббревиатур (УК РФ, УПК РФ); и, наконец, опираясь на экзистенциальные пресуппозиции [14: 339] должны быть соотнесены с референтами дескрипции типа *судья Иванов* и *эксперт Петров*.

Выше отмечалось, что заключение экспертизы содержит только одно нерепрезентативное по формальным признакам высказывание – это вопрос к эксперту в первой части перформативно-иллокутивного сегмента, который, как

представляется, традиционно относят к директивам по классификации Дж. Серля [7: 182]; именно вследствие интерпретации этого вопроса эксперт совершает коммуникативные действия, характер которых и определяется им (вопросом). Однако это не вопрос, обращенный к адресату, то есть к судье, и таким образом, здесь мы не имеем дело с действительным речевым актом, поскольку не адресат заключения экспертизы должен на него отвечать. Вопрос к эксперту предваряется формулой типа *В определении суда перед экспертом поставлен следующий вопрос*, которая, в сущности, представляет собой пропозициональную установку, но это недействительная пропозициональная установка, так как обращена не к адресату, как и сам вопрос. То есть в данном случае имеет место своего рода цитата из определения суда, которая призвана ввести в когнитивный фонд адресата основания, по которым он мог бы оценивать результаты экспертизы, изложенные в заключении. Таким образом, можно заключить, что при функционировании актуального дискурса высказывания – пропозициональной установки [12: 36] и высказывания-вопроса они не идентифицируются как таковые и квалифицируются как репрезентативы в ряду других репрезентативов.

Иллокутивные значения других высказываний первой части перформативно-иллокутивного сегмента исчисляются по их формальным признакам.

Следует также отметить следующее. Расписка о знании соответствующих статей нормативных актов, подписываемая экспертом, состоит из высказываний, которые по формальным признакам могут быть отнесены только к репрезентативам: *Права и обязанности... разъяснены. Об ответственности... предупрежден*. Однако представляется очевидным, что едва ли целью речевого акта «расписка» в экспертном заключении, непременной составляющей которого является личная подпись эксперта, является только лишь информирование адресата, то есть суда, о том, что автор заключения предупрежден об ответственности, хотя и это весьма важно для юридической процедуры. Одной из прагматических составляющих расписки является, с одной стороны, неявным образом обязать эксперта к определенной линии поведения, неявным – поскольку присяга, то есть комиссивный акт, вне судебного заседания будет неуместной, между тем как личная подпись под распиской подчеркивает ответственность эксперта за нарушение юридических норм; с другой стороны, расписка неявным образом вовлекает эксперта в совершение скрытого комиссивного акта, поскольку, подписывая расписку, он в любом случае принимает на себя обязательства к определенной линии поведения [7: 182].

В актуальном дискурсе высказываний, составляющих первую часть перформативно-иллокутивного сегмента экспертного заключения, функционируют пресуппозиции, связанные, прежде всего, со знанием юридической процедуры: о правильности составления документа, а именно об адекватности и перечне всех необходимых сегментов суперструктуры и их составляющих, об адекватности имен собственных, наименований должностей и юридических органов, участвующих в процедуре, – а также со знанием соответствующих статей нормативных актов, актуализируемых компонентами типа *УК РФ, УПК РФ*. Вопрос к эксперту и предваряющая его пропозициональная установка идентифицируются как репрезентативы также на основании соответствующих прагматических пресуппозиций, связанных со знанием специфики презентации гетерогенных компонентов дискурса.

Когерентность перформативно-иллокутивной части экспертного заключения, как и других документов фиксированной суперструктуры, обеспечивается неперменным требованием соблюдения композиционной его целостности, то есть заключение, в котором отсутствует тот или иной элемент суперструктуры, может не иметь юридической силы; отчасти по этой причине, а также отчасти из-за необходимости избегать структурно-семантической перегрузки документа средства локальной связности присутствуют в нем в минимальном количестве. Предполагается, что структурно-семантическое единство юридического дискурса типа экспертного заключения, то есть его когезия, обеспечивается в том числе и его статусом, который требует предельной релевантности компонентов дискурса.

Список литературы:

1. Дейк Т.А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 153-211.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М., 1989. – 312 с.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
4. Гусаренко С.В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2006. – № 45. – С. 101-110.
5. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М., 1978. – С. 259-336.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 87-116.
7. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170-194.
8. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 23 с.
9. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 151-169.
10. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 363-372.
11. Караулов Ю.Н. Об эквивалентности когнитивных единиц в двух режимах работы языкового сознания // Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И.Р. Гальперина (20-21 апреля 2005 г.). – М., 2005. – С. 13-16.
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 2004. – 288 с.
14. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 337-369.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М., 2007. – 384 с.

S. Gusarenko

COGNITIVE SEMANTIC STRUCTURES IN ANTI-ENTROPY ORGANIZATION OF THE JUDICIAL LINGUISTIC EXAMINATION TEXT

Abstract: The article contains the results of the research devoted to the explicit and implicit semantic components in the judicial linguistic examination text, the specific organization and interaction of which prevent possible semantic losses during the cognitive processing of the text. Semantic losses are considered as processes of entropic nature.

Key words: Discourse, explicit, implicit, semantic components.